

ВЕРА ЛЮБИМОВА

ОЛЬГА ДАШКОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

РАЗВОД

Ты предай нас всех

Ольга Дашкова

Развод. Ты потерял нас всех

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Развод. Ты потерял нас всех / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Годовщина свадьбы. Букет роз. Счастливая семья. И телефонный звонок, который перевернул мою жизнь.— У вашего мужа есть сын. Я думала, это ошибка. Пока не увидела мальчика — точную копию Дмитрия. Пока не узнала, что он живет в нищете, голодает, носит чужую одежду. Пока не поняла, кто его мать. И тогда все встало на свои места. Исчезновение. Молчание. Тайна, которую скрывали шесть лет. Муж лгал мне в глаза. Спал с той, которая никогда не должна была стать его любовницей, потупил как подонок. Бросил собственного сына в нищете. И думал, что я никогда не узнаю. Ошибся.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера Любимова, Ольга Дашкова

Развод. Ты потерял нас всех

Аннотация

Годовщина свадьбы. Букет роз. Счастливая семья. И телефонный звонок, который перевернул мою жизнь.

– У вашего мужа есть сын.

Я думала, это ошибка. Пока не увидела мальчика – точную копию Дмитрия.

Пока не узнала, что он живет в нищете, голодает, носит чужую одежду. Пока не поняла, кто его мать.

И тогда все встало на свои места. Исчезновение. Молчание. Тайна, которую скрывали шесть лет.

Муж лгал мне в глаза. Спал с той, которая никогда не должна была стать его любовницей, поступил как подонок. Бросил собственного сына в нищете.

И думал, что я никогда не узнаю. Ошибся.

Глава 1

На кухонном столе лежит букет красных роз – двадцать одна, как всегда, в годовщину нашей свадьбы. Дмитрий никогда не забывает. Двадцать три года вместе, и каждый год – красные розы.

Достаю из шкафа хрустальную вазу, и тут раздается резкий звонок. Незнакомый номер. Обычно я не беру трубку, но рука тянется к телефону сама собой.

– Алло?

– Софья Андреевна Давыдова? – женский голос звучит глухо, будто говорящая плачет.

– Да, слушаю.

– Вы... вы жена Дмитрия Давыдова?

– В чем дело? Что случилось? – Пальцы сжимают телефон. Что-то в этом голосе заставляет сердце биться чаще.

– Простите, я... я не знала, как по-другому, – всхлипывает женщина. – Мне нужно, чтобы вы знали правду. У вашего мужа есть... сын. Ему пять лет.

Ваза выскальзывает из рук и разбивается о кафельный пол. Осколки разлетаются во все стороны, но я стою неподвижно, прижав телефон к уху.

– Я не поняла, что... что вы сказали?

– У Дмитрия есть ребенок. Мальчик. Ему скоро исполнится шесть, – голос дрожит. – Я... я больше не могу молчать. Вы должны знать.

– Кто вы? – с моих губ срывается шепот. – Откуда вы...

Гудки. Она сбросила звонок. Стою посреди кухни, среди осколков хрусталя и красных роз, пытаюсь отдышаться. В ушах звенит, руки так трясутся, что телефон едва не падает на пол.

Ребенок. Пять лет.

Это чья-то глупая шутка? Это ошибка. Это...

Но я стою посреди кухни – среди осколков хрусталя, луж воды, красных роз – и смотрю на телефон в руке. Номер неизвестный. Набираю снова, но слышу лишь длинные гудки. Никто не берет трубку.

Пытаюсь еще раз. И еще. И еще. Абонент недоступен. Телефон с глухим стуком падает на стол.

Ребенок. Сын. Пять лет.

Быстро считаю в уме. Пять лет назад... что было пять лет назад? Кристина училась в выпускном классе. Готовилась к экзаменам. Мы с Дмитрием планировали отпуск в Италии. Он получил новый контракт, помню, как мы это праздновали. Шампанское, ресторан, танцы до утра. Звук ключа в замке. Входная дверь.

– Соня, я дома! – голос Дмитрия разносится по коридору, такой привычный, такой родной. – Как твои дела, любимая?

Муж входит на кухню – высокий, с сединой в волосах, которая ему так идет, в безупречном сером костюме. Улыбается мне той самой улыбкой, от которой я когда-то теряла голову. Его взгляд скользит по осколкам вазы.

– Что случилось? – он подходит ближе. – Ты в порядке?

Смотрю ему в глаза. Серые, спокойные, любящие. Те самые глаза, в которые я смотрела двадцать три года. Которым доверяла всегда и безоговорочно.

– Мне звонила какая-то женщина, – ровным голосом говорю. – Сказала, что у тебя есть сын. Ему пять лет.

Дмитрий замирает. На долю секунды, всего на мгновение, в его взгляде мелькает что-то. Страх? Паника? Но тут же его лицо становится непроницаемым.

– Что за бред? – он хмурится. – Какая женщина? Какой сын?

– Вот именно это я и хочу знать.

– Соня. Посмотри на меня, – голос становится мягче, почти нежным. – Ты же понимаешь, что это чья-то больная фантазия? Или провокация? Может, кто-то из конкурентов решил подставить меня через семью? Ты же знаешь, какие методы используют в бизнесе.

Знаю. Конечно, знаю. Дмитрий владеет строительной компанией. Контракты на миллиарды. Конкуренция жесткая. Он рассказывал мне о попытках шантажа, подставах, грязных играх.

Но это же... совсем другое.

– Она знала наши имена, – говорю, глядя на его лицо. – Она знала, что сегодня годовщина нашей свадьбы.

Что-то мелькает в его глазах. Быстро. Так быстро, что я почти ничего не успеваю заметить. Страх? Паника? Или мне показалось?

– Телефонные мошенники много чего знают, – спокойно отвечает муж. – В интернете полно информации о нас. Соцсети, статьи в прессе, корпоративные мероприятия. Любой может наугадить наши имена и даты. Милая, неужели ты веришь в эту чушь?

Хочу поверить. Хочу так отчаянно, так сильно, что готова забыть этот звонок. Выкинуть из головы. Стереть из памяти. Но голос той женщины... ее слезы... ее отчаяние...я так отчетливо это почувствовала.

– Она плакала, – шепчу. – Дима, она плакала так, будто... будто это правда. Будто она говорит правду.

– Актеры умеют убедительно плакать, – он усмехается, но в усмешке нет веселья. – Ее могли нанять специально. Чтобы расстроить тебя. Чтобы посеять раздор между нами.

Логично. Все звучит логично. Но почему тогда внутри все кричит, что что-то не так?

– Тогда почему она позвонила именно сегодня? – смотрю ему прямо в глаза. – В годовщину нашей свадьбы? Это слишком... слишком символично для простого совпадения.

Муж молчит, всего секунду, может, меньше. Но эта секунда растягивается в вечность.

– Совпадение, – наконец отвечает. – Или кто-то специально выбрал этот день, чтобы удар был сильнее. – Он притягивает меня к себе, прижимает к груди. – Соня, любимая моя, неужели за двадцать три года я хоть раз дал тебе повод усомниться во мне?

Нет. Никогда. Он всегда был идеальным мужем. Внимательным. Заботливым. Верным. По крайней мере, я так думала.

– Скажи мне честно, – отстраняюсь, смотрю ему в лицо. – Прямо сейчас. В глаза. У тебя есть ребенок? Сын? От другой женщины?

Дмитрий не отводит взгляд. Смотрит на меня прямо, открыто. Берет мое лицо в ладони.

– Нет, – твердо произносит, не моргнув глазом. – У меня нет другого ребенка, кроме Кристины. Клянусь тебе. Клянусь всем, что у нас есть. Этот дом, наша семья, наша жизнь – все это построено на правде. На любви. Я никогда тебя не предаю. Никогда.

Его взгляд не дрогнул. Голос не изменился. Руки не дрожат. Он говорит правду. Должен говорить правду. И его слова: «Клянусь тебе».

– Хорошо, – киваю. – Хорошо. Прости. Я просто... этот звонок меня так напугал.

– Конечно, напугал, – он целует меня в лоб. – Именно на это я и рассчитывал. Но ты же сильная. Ты же моя умница. Не дай им победить.

Дмитрий обнимает меня, гладит по спине. Тепло. Надежно. Безопасно. Но почему тогда внутри такой холод?

– Забудь об этом, – шепчет. – Это просто чья-то злая шутка. Глупая провокация. Не позволяй им испортить наш праздник. Двадцать три года, Соня. Двадцать три года мы вместе. И будем вместе всегда.

Он отстраняется, смотрит на разбросанные по полу розы.

– Давай я помогу убрать.

Наклоняется, начинает собирать цветы. Движения уверенные, спокойные. Но я вижу. Вижу, как дрожат его руки, когда он поднимает стебли роз. Вижу, как напряжены его плечи под идеально выглаженной рубашкой.

Он волнуется. А если он говорит правду, то о чем ему волноваться? Раньше мне этого было бы достаточно. Но сейчас... сейчас я впервые за двадцать три года задаюсь вопросом: а знаю ли я вообще человека?

– Я сама, – быстро говорю. – Иди переодейся. Я приготовлю ужин.

– Уверена?

– Да.

Дима кивает, целует меня в щеку и уходит. Слышу его шаги на лестнице – размеренные, неторопливые. Жду, пока он скроется на втором этаже, потом хватаю телефон.

В журнале вызовов незнакомый номер. Сохраняю его. Вздрагиваю, от этого номера приходит сообщение: «Заводская, дом 7, квартира 23».

Пальцы висят над клавиатурой. Нужно удалить. Забыть. Довериться мужу. Но вместо этого я сохраняю номер и пишу:

«Я приду».

Глава 2

На следующий день указанный адрес ведет меня в старый район на окраине города, туда, где я не была ни разу за все годы жизни в этом здесь. Пятиэтажные хрущевки с облупившейся краской, разбитые детские площадки, запах мусорных баков.

Мой «Мерседес» здесь выглядит как НЛО.

Паркуюсь у второго подъезда. В подъезде нет домофона, дверь висит на одной петле. На лестнице воняет мочой и плесенью. Поднимаюсь на третий этаж, стараясь не касаться перил. Квартира 23.

Рука замирает перед дверью. Еще не поздно развернуться. Уехать. Забыть. Вернуться в свою красивую жизнь с красивым домом и красивой ложью. Звоню в дверь. Несколько секунд тишины, потом шаги, дверь открывается.

На пороге стоит женщина, даже не могу понять, сколько ей лет, может быть сорок, изможденная, с темными кругами под глазами, в старом халате поверх футболке и спортивных штанов. Волосы собраны в небрежный хвост. Но лицо... когда-то красивое, а теперь измученное жизнью.

– Вы Софья Андреевна? – тот самый голос, который звонил вчера.

– Да.

– Проходите. Простите за... – она оглядывает крошечную прихожую, заставленную старой мебелью. – Я Марина. Марина Третьякова.

Захожу внутрь, однокомнатная квартира. Обои кое-где отклеиваются, на потолке разводы от протечек. В углу детский уголок: старый пластиковый стол, коробка с игрушками, постельное белье на раскладушке.

– Хотите чаю? – спрашивает Марина, но я качаю головой.

– Зачем вы меня сюда позвали?

Она опускает глаза.

– Потому что у меня больше нет сил врать. Моя сестра... младшая сестра, – голос срывается. – Даша умерла три недели назад, ее сбил пьяный водитель. Она умерла мгновенно, врачи сказали, что она даже не успела понять...

– Простите, но какое к этому отношению имею я? Мне очень жаль вашу сестру, искренне жаль, но... ребенок, вы говорили о сыне моего мужа.

– Моя сестра Даша Третьякова.

Доли секунды ничего не понимаю, а потом замираю. Даша. Подруга Кристины. Та самая девочка, которая исчезла из нашей жизни шесть лет назад. Даша Третьякова.

– Даша? – с моих губ срывается шепот. – Но она же... она училась с моей дочерью Кристиной... Боже мой, какой ужас, даже в голове не укладывается.

– Знаю, – кивает Марина. – Они были лучшими подругами. Пока ваш муж не разрушил ее жизнь.

Мир вокруг меня качается. Я хватаюсь за спинку стула, во рту пересохло.

– Что вы сказали?

– Даше было восемнадцать, когда она забеременела. Она мечтала поступить в университет, стать педагогом. А потом... – Марина сжимает кулаки. – Она часто бывала у вас дома. Дмитрий... ваш муж... начал обращать на нее внимание. Сначала просто делал комплименты. Потом предложил подвезти ее после очередной встречи с Кристиной. Потом пригласил в кафе, сказал, что хочет обсудить подарок для вашей дочери...

К горлу подступает тошнота.

– Нет...

– Он был таким внимательным. Таким заботливым. Говорил, что она особенная. Что вы его не понимаете. Что он несчастлив в браке, – Марина смотрит на меня с ненавистью. – Даше было всего восемнадцать! Она верила каждому его слову! Она думала, что это любовь!

– Я не... я не могу в это поверить...

– А когда она сказала ему, что беременна, знаете, что он сделал? – голос Марины становится жестче. – Дал ей денег на аборт. Сказал, что это ошибка. Что у него семья. Что она должна забыть все, что было между ними.

Ноги подкашиваются. Опускаюсь на стул.

– Даша не сделала аборт. Она родила мальчика. Не поступила в университет. Кристина пыталась с ней связаться, но Даша избегала ее – она не могла смотреть лучшей подруге в глаза, понимаете? Она спала с ее отцом! Родила от него ребенка! Она чувствовала себя предательницей и преданной.

– Где... где этот мальчик? – из горла вырывается хрип.

Марина поворачивается к двери в комнату.

– Антоша! Иди сюда, солнышко.

Дверь приоткрывается, и на пороге появляется мальчик. Лет пяти, темные волосы, серьезное лицо... И серые глаза. Точно такие же, как у Дмитрия. Сердце замирает. Мальчик настороженно смотрит на меня, прижимая к груди плюшевого мишку.

– Здравствуй, – с трудом выдавливаю из себя слова.

– Здравствуйте, – тихо отвечает он.

Это копия Дмитрия. Абсолютная копия. Те же черты лица, тот же разрез глаз, даже родинка на левой щеке...

– Антон, иди в комнату, поиграй пока, – мягко говорит Марина. Мальчик послушно кивает и исчезает за дверью.

– После рождения Антона Даша пыталась начать все с чистого листа, – продолжает Марина. – Работала на трех работах, снимала комнату в общежитии, отказывалась от моей помощи. Да у меня и у самой все было в жизни не так просто, выкидыш, развод. Я старше Даши на семь лет, мы не так дружны были. Родителей не стало еще десять лет назад, Даша жила с теткой, а после того как она узнала, что Даша беременна, просто выставила ее за дверь. Но Даша все равно родила, а матери-одиночке с ребенком тяжело. Денег всегда не хватало. Дмитрий не помогал – он сказал, что это ее выбор и ее проблемы.

– Почему она не обратилась в суд? Не подала на алименты?

– Боялась, – горько усмехается Марина. – Он пригрозил, что, если она заикнется о ребенке, он уничтожит и ее окончательно. Да, господи, куда уже больше. Мы простые люди, Софья Андреевна. Против таких, как ваш муж, мы бессильны.

Сижу и не могу вымолвить ни слова. Перед глазами всплывают картинки: Даша с Кристиной смеются в гостиной. Даша краснеет, когда Дмитрий хвалит ее новую прическу. Даша, которая вдруг перестала приходить...

А я ничего не заметила. Ничего.

– Год назад Даша устроилась продавцом в магазин одежды, – Марина смахивает слезу. – Впервые за много лет мы вздохнули свободнее. Она даже начала откладывать деньги на собственную квартиру. Мечтала забрать Антошу от меня, жить вместе... А потом этот чертов пьяница сбил ее на пешеходном переходе.

– Мне так жаль...

– Мне не нужна ваша жалость! – Марина вскакивает. – Мне нужно, чтобы этот ребенок выжил! Посмотрите, где мы живем! – она разводит руками. – Я работаю уборщицей в торговом центре и в двух офисах. Антошка ходит в детский сад, но скоро в школу. Ему нужна одежда, обувь, учебники! А у меня нет денег даже на нормальную еду!

Она подходит к холодильнику, распаивает дверцу. Внутри почти пусто. Пачка дешевых сосисок, хлеб, молоко.

– Вот наш недельный запас еды, – голос дрожит. – А в соседней комнате спит ребенок, сын одного из самых богатых людей города. Видите иронию?

Подхожу к окну. Вид на серый двор, мусорные контейнеры, покосившиеся гаражи. А в это время Дмитрий сидит в нашем особняке с панорамными окнами и пьет коллекционный виски.

– Почему вы позвонили мне только сейчас? – поворачиваюсь к Марине.

– Потому что Даша запретила. Она не хотела разрушать вашу семью. Говорила, что Кристина не должна знать. Что вы не виноваты в том, что ваш муж – чудовище, – Марина сжимает кулаки. – Но я больше не могу! Не могу смотреть, как Антошка спрашивает, почему у него нет папы! Почему другие дети ездят в отпуск, а мы не можем позволить себе даже новые ботинки!

– Чего вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы Дмитрий признал сына. Чтобы платил алименты. Чтобы этот ребенок получил хоть малую часть того, что ему причитается по праву! Я не прошу миллионы лично для себя, я хочу чтобы у ребенка была хорошая жизнь. – она смотрит мне в глаза. – Но Даша сказала, что он никогда не признает Антона. Что для него этот ребенок – ошибка, о которой нужно забыть.

Дверь в комнату приоткрывается, и оттуда выглядывает Антон.

– Тетя Марина, я есть хочу.

Марина закрывает глаза, по ее щекам текут слезы.

– Сейчас, солнышко. Сейчас.

Мальчик смотрит на меня своими серыми глазами – глазами моего мужа, – и я понимаю, что моя жизнь только что разбилась вдребезги. Этот ребенок голодает. А его отец вчера подарил мне букет роз за двадцать тысяч рублей.

Выхожу из подъезда и на автопилоте иду к машине. Сажусь за руль, но руки так трясутся, что не могу вставить ключ в замок зажигания.

Звонит телефон. Дмитрий.

– Где ты, любимая? Я волнуюсь.

Любимая. Он называет меня «любимой», пока его пятилетний сын сидит в разваливающейся квартире и просит есть.

– Скоро буду, – отвечаю ровным голосом.

– Может, заедешь в магазин? Купи что-нибудь к ужину. Сегодня хочется чего-то особенного.

Чего-то особенного. Смотрю в зеркало заднего вида – на облупившийся подъезд, на окно третьего этажа, за занавеской которого мелькает силуэт маленького мальчика.

– Конечно, – говорю. – Куплю что-нибудь особенное.

Сбрасываю звонок. Первый порыв, это приехать, все рассказать мужу, что я знаю его тайну, о том что он как поступил с Дашей как последний подонок, выплеснуть на него весь свой гнев, уйти, собрав вещи. Сажу несколько минут, в глазах слезы, часто дышу. Но потом понимаю, что этим я ничего не добьюсь.

Нет, я не уйду. Не сейчас. Потому что если я уйду, Дмитрий выиграет. Он останется в своем особняке, со своими деньгами и безнаказанностью. А Антон так и будет жить в нищете, голодать и спрашивать, почему у него нет папы.

Зная Дмитрия, он будет все отрицать, он найдет миллион доводов и останется чистым. Мне нужен план. И первый шаг этого плана – позвонить дочери. Набираю номер Кристины. Длинные гудки, потом ее веселый голос:

– Мам! Как дела? Как годовщина?

– Кристина, – голос звучит спокойно, хотя внутри все кипит. – Мне нужно, чтобы ты прилетела домой. Срочно.

– Что случилось? Ты меня напугала.

Смотрю в окно, где стоит мальчик с серыми глазами.

– Тебе нужно кое-что узнать о своем отце.

На том конце провода тишина.

– Мам, что происходит?

– Прилетай, я все расскажу. И, Кристина... – делаю паузу. – Готовься к худшему.

Глава 3

Аэропорт. Зал прилета. Стою у стеклянных дверей и так сильно сжимаю в руках телефон, что белеют пальцы.

Кристина прилетает через десять минут. Рейс из Санкт-Петербурга задержали на полчаса из-за погоды, и эти тридцать минут растянулись в вечность. Я хожу кругами по залу ожидания, не в силах стоять на месте.

Вчера, когда я позвонила ей и сказала, чтобы она срочно приезжала, она испугалась. А когда услышала, что ее бывшая одноклассница мертва, была в шоке. Да, это ужасно я и сама не могу все еще прийти в себя.

Она дочь не знала, что ужасное случилось не недавно. Оно случилось шесть лет назад. А я узнала об этом только вчера.

Табло обновляется: рейс SU 3214 прибыл. Сердце подпрыгивает к горлу. Прижимаю руку к груди, пытаюсь успокоиться. Как я ей скажу? Какими словами?

«Привет, солнышко, как долетела? Кстати, у твоего отца есть пятилетний сын от твоей лучшей подруги Даши. Той самой Даши, которая исчезла из твоей жизни шесть лет назад. Да, умерла три недели назад. Ее сбил пьяный водитель. А ребенок живет в нищете с с тетей пока твой отец покупает дорогой виски».

Боже, как вообще можно такое говорить?

Автоматические двери распахиваются. Первые пассажиры вываливаются в зал прилета с чемоданами и сумками. Я всматриваюсь в лица, ищу знакомые черты. И вот она.

Кристина выходит из толпы –высокая, стройная, светловолосая. На ней черное пальто, серый шарф, джинсы. Волосы распущены, лицо бледное. Под глазами темные круги, наверное, не спала. Или плакала в самолете. Наши взгляды встречаются.

Она бросается ко мне, я заключаю ее в объятия. Моя девочка. Моя взрослая, умная, самостоятельная девочка, которая живет в другом городе, строит карьеру в рекламном агентстве и снимает квартиру с подругой.

Но сейчас она прижимается ко мне, как маленький ребенок, и я чувствую, как дрожит ее тело.

– Мама, что случилось? – шепчет мне в плечо. – Ты меня до смерти напугала. Я всю ночь не спала. Думала, что ты заболела. Или папа. Или...

– Все хуже, – тихо говорю я. – Намного хуже.

Она отстраняется и смотрит мне в глаза. Ее серые глаза – точная копия глаз отца. От этого сходства сердце сжимается от боли.

– Мам, ты меня пугаешь.

– Поехали домой. Там поговорим.

– Нет, – она мотает головой. – Скажи сейчас. Я не могу ждать. Скажи, что случилось!

Оглядываюсь. В зале прилета полно людей. Не место для таких разговоров.

– Пошли в машину. Там и поговорим.

Она смотрит на меня еще несколько секунд, потом кивает. Берет свою сумку дорожную сумку. Идем к парковке молча. Кристина то и дело бросает на меня испуганный взгляд, она чувствует, что что-то очень, очень не так. Сажусь за руль. Она устраивается на пассажирском сиденье. Закрываю двери, тишина в салоне звенит в ушах.

– Мама, – дрожит голос Кристины, – ты же не собираешься разводиться с папой?

Смотрю на нее. На ее красивое молодое лицо, полное надежды, что все не так страшно. Что сейчас я скажу «нет, конечно», и мы обе облегченно рассмеемся.

– Пока нет, – говорю. – Но, возможно, скоро.

– Почему? Что он сделал?– дочь бледнеет.

Достаю телефон, открываю галерею. Вчера, перед тем как уйти от Марины, я попросила разрешения сфотографировать Антона. Она согласилась – с условием, что я пока не покажу фото Дмитрию. Я согласилась, но о Кристине мы не говорили.

Протягиваю телефон дочери. Фотография на экране – Антон стоит у окна, прижимая к груди медведя, смотрит в камеру серьезными серыми глазами. Кристина берет телефон. Смотрит на фото. Хмурится.

– Это кто?

– Присмотрись внимательнее.

Она вглядывается в экран. Секунда. Две. Три. И вдруг лицо меняется, глаза расширяются, рот приоткрывается.

– Это... это не может быть... – шепот срывается с губ.

– Его зовут Антон. Ему пять лет. Почти шесть.

– Он похож на... на папу. Очень похож. Как будто...

– Это его сын, – говорю ровно. – Твой сводный брат.

– Что?– телефон падает из рук Кристины на колени. Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

– У твоего отца есть ребенок от другой женщины. Мальчик. Его зовут Антон.

– Нет, – она качает головой. – Нет, это невозможно. Папа никогда... он не...

– Мать мальчика – Даша Третьякова.

Имя повисает в воздухе как удар. Кристина замирает, перестает дышать, смотрит на меня так, будто я сошла с ума.

– Что ты сказала?

– Даша Третьякова, твоя лучшая подруга со школы. Та самая Даша, которая исчезла из твоей жизни шесть лет назад.

– Нет, – Кристина отшатывается, прижимается спиной к двери. – Нет, нет, нет! Это невозможно! Даша была моей подругой! Моей лучшей подругой! Папа не мог...

– Мог. И сделал.

– Но ей было... сколько ей было тогда? Восемнадцать, как мне.

– Да, восемнадцать.

– А папе было сорок пять! – кричит Кристина. – Сорок пять, мама! Это... это...

– Это преступление, – заканчиваю. – По крайней мере, моральное. Он был взрослым мужчиной. Отцом ее лучшей подруги. Человеком, которому она доверяла.

Кристина закрывает лицо руками. Ее плечи сотрясаются от рыданий.

– Даша, – шепчет она сквозь слезы. – Боже мой, Даша. Вот почему она исчезла. Вот почему перестала отвечать на звонки. Я думала, я сделала что-то не так. Думала, она на меня обиделась. А она...

– Она не могла смотреть тебе в глаза, – говорю тихо. – Потому что спала с твоим отцом. Родила от него ребенка.

– Где она сейчас? – Кристина поднимает залитое слезами лицо. – Где Даша? Мне нужно с ней поговорить. Объяснить, что я не виновата. Что я не знала!

Молчу. Не могу заставить себя произнести слова.

– Мама? – голос Кристины становится тише. Испуганнее. – Где Даша?

– Она погибла три недели назад, – выдавливаю из себя. – Автокатастрофа. Пьяный водитель сбил ее на пешеходном переходе.

Крик. Пронзительный, животный крик вырывается из груди Кристины. Она бьет кулаками по приборной панели, по сиденью, по двери.

– Нет! Нет, нет, нет! Это неправда! Ты врешь!

Обхватываю ее, прижимаю к себе. Она бьется в моих руках, рыдает, кричит.

– Даша! Моя Дашенька! Я так скучала по ней! Так хотела найти ее! А она все это время... и я не знала... не помогла...

– Ты не виновата, – шепчу, глядя ее по волосам. – Солнышко, ты совсем не виновата.

– Виновата! – она отталкивает меня. – Я привела ее в наш дом! Я познакомила ее с папой! Если бы не я, он бы никогда... Все было бы иначе, ничего бы этого не случилось!

– Кристина, послушай меня, – беру дочь за плечи. – Послушай внимательно. Виновата не ты. Виноват он. Твой отец. Он взрослый мужчина. Он должен был знать меру. Он должен был защищать ее, а не соблазнять. Ты меня слышишь?

– Как он мог? Как он мог так поступить с Дашей? С моей Дашей? – дочь смотрит на меня красными, залитыми слезами глазами.

– Не знаю, – честно говорю. – Не понимаю, как можно так предать доверие. Как можно спать с девочкой, которая могла бы быть твоей дочерью.

Кристина снова рыдает. Долго, надрывно. Я просто обнимаю ее, даю выплакаться. Когда слезы наконец иссякают, она отстраняется. Вытирает лицо рукавом пальто.

– А мальчик? Антон? Где он?

– Живет со своей тетей. Сестрой Даши. В ужасных условиях, они едва сводят концы с концами.

– А папа? Он им помогает?

Качаю головой.

– Он бросил Дашу, когда узнал о беременности. Дал денег на аборт и велел забыть о том, что между ними что-то было. Пригрозил уничтожить ее окончательно, если она кому-то расскажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.